

С. В. Пронкин

**Причины составления «Введения к уложению государственных законов»
в дореволюционной историографии**

Статья посвящена плану государственных реформ – «Введению к уложению государственных законов», составленному Сперанским в 1809 г. Сперанский разработал целостную систему центральных и местных учреждений, основанных на принципе разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной. Автор подводит некоторые итоги изучения причин его составления в отечественной историографии.

Ключевые слова: Александр I, М. М. Сперанский, «Введение к уложению государственных законов», 1809 г., историография, конституционализм.

S. V. Pronkin

**Reasons of Make Up "Introduction to the Legal Code of the State Laws"
in Pre-Revolutionary Historiography**

The article is devoted to the plan of government reforms – "Introduction to the Legal Code of the State Laws" written by M. M. Speransky in 1809. Speransky developed a coherent system of central and local government, based on the principle of separation of powers – legislative, executive and judicial. The author summarizes results of this problem researches in pre-revolutionary historiography. Main attention is focused on the causes of this act.

Keywords: Alexander I, M. M. Speransky, "Introduction to the Legal Code of the State laws", 1809, historiography, constitutionalism.

Составленное в 1809 г. «Введение к уложению государственных законов» (далее – «Введение» или «План») неоднократно становилось объектом научного изучения, причем историков интересовало не только политико-юридическое содержание конституционного проекта, но и причины его составления. Первым их попытался сформулировать М. А. Корф. Его выводы стали типичными для критического направления историографии, представители которого скептически относились к планам Александра I и его доверенного статс-секретаря [1]. Главной из причин появления проекта Корф посчитал свойственные эпохе либеральные увлечения, имевшие не отечественные, а иноземные корни. Говоря о «молодых друзьях» Александра I, но подразумевая и самого императора, и М. М. Сперанского, Корф писал, что «пламенным их желанием было применить к России новые формы жизни, только что вырабатывавшиеся в Европе». Конкретную причину разработки «Введения» Корф увидел в франкофонстве его авторов. Историк полагал, что после полученных в Эрфурте впечатлений (он был обласкан Наполеоном) у Сперанского сложился крайне критический взгляд на российскую действительность, ут-

вердилось желание все переделать, а новое служебное положение, милость монарха, вдохнули в него решимость и отвагу [2]. Но историки-критики не стали игнорировать первоначально целомудренно обойденный Корфом вопрос об участии в подготовке проекта самого Александра I. Его широко известную склонность к представительной форме правления отметил М. И. Богданович, посчитавший идеалы монарха утопическими [3]. В менее резкой форме об этом заявляли А. В. Романович-Славатинский и Н. К. Шильдер [4]. На воспитании Александра I как на ключе к пониманию истоков правительственного либерализма начала XIX в. остановился В. О. Ключевский, также отзывавшийся о нем скептически [5]. Такую же оценку личности Александра I дал С. Ф. Платонов [6]. Наверное, в наиболее резкой форме о характере и условиях воспитания будущего императора отзывался М. М. Бородин, назвавший Александра отвлеченным «идеалистом и теоретиком..., пропитанным мечтательными и ложными воззрениями, царившими тогда на Западе» [7].

Но почему конституционный проект был составлен именно в 1809 г.? Ю. Карцов и К. Военский полагали, что Тильзитский мир позволил

Александр I вернуться к прерванным войной попыткам реализации воспринятой им «универсалистской доктрины», причем действовал он вопреки тем настроениям, которые доминировали не только в дворянстве, но и в более широких кругах [8]. Ф. М. Уманец повторил версию М. А. Корфа о влиянии на монарха и его статс-секретаря «французских иллюзий», усилившихся в результате их личного общения с Наполеоном [9]. Еще более «понижал» мотивы Александра I Н. К. Шильдер, объявивший «Введение» плодом политической конъюнктуры, вызванной переходом императора от английских симпатий к французским [10]. Напротив, В. Г. Щеглов, признавая влияние на Александра I и Сперанского наполеоновских учреждений, призвал не преувеличивать степень влияния на них иностранных теорий и институтов [11].

Постепенно даже консерваторы стали вырабатывать более широкий взгляд на проблему, отказавшись связывать появление «Плана» 1809 г. исключительно с либеральными иллюзиями его авторов или последствиями Тильзита и Эрфурта. Н. Ф. Дубровин обратил внимание на недовольство общества последствиями министерской реформы. Александр Павлович, полагал он, предпочел решать проблему, идя не назад (к коллегиям), а вперед (к конституционным учреждениям) [12]. Еще более глубокие источники правительственного реформаторства обнаружил Э. Г. Берендтс, указавший на пороки сложившейся административной машины в целом, в течение большей части XVIII в. она страдала от фаворитизма и недостатка постоянства в управлении. Не было довольно общество и практическими результатами первых лет правления Александра I, которые, несмотря на многообещающее начало, свелись к «бессильным паллиативам». Именно падением авторитета власти, несоответствием существующей системы правления общественному духу обосновывал необходимость предложенных во «Введении» реформ Сперанский, напоминая Берендтс [13]. Но А. Э. Нольде откровенно признался, что затрудняется объяснить мотивы поведения Александра I. Возможно, император реагировал на внутривнутриполитические последствия Тильзитского мира или готовился к будущей борьбе с Наполеоном, которая потребовала бы интенсивного сотрудничества власти и общества, возможно, это был просто его каприз [14].

Несколько отличный взгляд на причины разработки «Введения» был присущ «позитивной» историографии, представители которой обычно придерживавшиеся либеральных взглядов, благо-

желательно относились к преобразовательным планам Александра I. Эти отличия часто заключались не в диаметрально противоположных, сравнительно с историками-критиками, оценках, но скорее в нюансах, оттенках. Для большинства историков, независимо от их «партийной принадлежности», комплекс причин возникновения конституционного плана постепенно прояснялся. Разногласия, за некоторыми исключениями, заключались не в отрицании или, напротив, признании существования тех или иных условий появления «Введения», но в ранжировании их по степени важности и закономерности. Первым позитивную версию причин конституционных устремлений Александровской эпохи изложил А. Н. Пыпин. Как и другие исследователи, он не мог не обнаружить связи между «Введением» и юношескими идеалами императора, высшим выражением которых оно, по его мнению, и стало. Но «стратегическое основание» либеральных проектов того времени он видел в ином – в развитии, под влиянием европейской образованности, самого общества, в высших слоях которого стало пробуждаться политическое сознание. Другой значимой причиной возникновения либеральных замыслов автор признал российскую действительность, которая страдала многими очевидными недостатками, что не могло не пробуждать в наиболее образованных людях, к которым принадлежал и сам император, желания исправить их. В частности, историк обратил внимание на характер правления Павла I, которое не могло не подтолкнуть этих людей к мысли о необходимости поставить власти монарха известные пределы. Пыпин, признав влияние на Александра Павловича и Сперанского французской административно-политической системы, «фактора Эрфурта», не стал преувеличивать их. Он полагал, что общение с Наполеоном стало для Александра I только поводом, сообщившим новую энергию его преобразовательным планам, истинные причины которых были глубже и принципиальнее [15].

Последователи «линии Пыпина», в отличие от историков-критиков, обычно благожелательно отзывались о политических идеалах Александра I. Но, не преуменьшая их важности для предыстории «Введения», они сосредоточились на доказательстве объективной закономерности появления последнего. В. И. Семевский увидел его генетическую связь с политическими проектами 1730 г., записками Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина [16]. Историки данного направления констатировали широкое распространение в русском образован-

ном обществе начала XIX в. либеральных идей. А. А. Корнилов, цитируя известное письмо В. Н. Карамзина, предположил: «Всем было более или менее ясно, что необходимы какие-нибудь гарантии, которые на будущее время охранили бы от таких неистовых проявлений самодержавной власти» [17]. Деспотическое правление Павла I, обратил внимание В. И. Семевский, заставило заговорить резким тоном даже консервативного Н. М. Карамзина [18]. Конкретный повод для составления «Плана» «позитивные» историографы, как и многие «критики», обычно обнаруживали в политических последствиях Тильзитского мира, причем на последнем этапе существования дореволюционной историографии им, как представляется, стали придавать преувеличенное значение, чем, сознательно или нет, ставили под сомнение реформаторский потенциал Александра, искренность его намерений.

По мнению А. А. Кизеветтера, мир с Францией вызвал заметное общественное недовольство, правительство «почувствовало необходимость снять с себя известную ответственность за все происходящее, и на очередь была поставлена новая политическая реформа» [19]. А. А. Корнилов полагал, что охватившее общество недовольство сильно смутило Александра I, он понимал, что полицейские меры в данном случае бесполезны, поэтому «попытался вернуть себе общее расположение иным, более разумным и более благородным способом – возвратом к тем внутренним преобразованиям, которые были замыслены, но не были осуществлены в первые годы царствования» [20]. Еще дальше пошел М. В. Довнар-Запольский, который в итоге заявил, что «теперь едва ли кто-либо будет оспаривать тот факт, что император Александр никогда искренно не увлекался либеральными реформами и что под дымкой либерализма в нем скрывались черты самодержавия в духе отца» [21].

Если критики отдавали приоритет субъективным причинам появления «Введения», «позитивные» историки – субъективным и объективным одновременно, то авторы, придерживавшиеся левых взглядов, призывали не преувеличивать личностного фактора в истории. Впрочем, как мы видели, «иконоборчеством» постепенно увлеклись и некоторые представители либеральной историографии. С. П. Мельгунов считал Александра Павловича не искренним реформатором, но человеком, главными мотивами поведения которого были крайнее самолюбие, жажда популярности, «желание играть мировую роль». Поэтому «Вве-

дение» было обязано своим появлением не действительным политическим целям «республиканца на словах», но обстоятельствам времени. Таковыми были деспотическое правление Павла I и, конкретнее, Тильзитский мир – возникший союз с Наполеоном якобы объяснял и новую профранцузскую политику, и широкие либеральные начинания Сперанского, к которым, впрочем, император никогда не относился серьезно [22]. М. Н. Покровский все-таки не стал игнорировать значимость политических идеалов Александра I, но приоритетным для объяснения причин появления проекта также посчитал внешние факторы – эффект правления Павла I, распространение в высшем обществе конституционных настроений, наконец, Тильзитский мир – континентальная блокада вызвала недовольство не только дворянства, но и более широких кругов населения. Ранее, писал Покровский, политическая реформа не являлась настоятельной необходимостью ни для правительства, ни для общества, ею интересовался только узкий круг высшего придворного дворянства. Изменилось ли отношение общества к данной реформе, оставалось загадкой, но реформа стала казаться необходимой правительству. В подтверждение своей версии он процитировал Сперанского, который указывал на опасность положения, когда ответственность за все трудности возлагалась на одно лицо – государя. Одновременно для выяснения причин появления «Введения» Покровский стал использовать свою теорию торгового капитализма, усмотрев в сложившейся после Тильзита общественно-политической обстановке конфликт между аграрным и торгово-промышленным капиталом. Континентальная блокада больно ударила по интересам крупного землевладения, представлявшим преимущественно аграрный капитал. Александр I, обеспокоенный личной безопасностью, вновь приблизил Аракчеева, но одновременно попытался опереться на выигравший от континентальной блокады торговый и промышленный капитал, представителем которого Покровский считал Сперанского [23].

Итак, составление в 1809 г. конституционного проекта нельзя признать случайным явлением, объясняемым либеральными увлечениями Александра I и М. М. Сперанского. На путь административно-политических реформ их подталкивал негативный опыт государственного управления XVIII в., когда остро ощущалась необходимость фундаментальных государственных законов. Остроту проблемы обозначило правление Павла I, его трагическая судьба. Результатом данного опыта и

естественного культурного прогресса России стало достаточно широкое распространение в административной и интеллектуальной элите империи, к которой принадлежали Александр I и М. М. Сперанский, передовых политических идей. Вместе с тем нельзя преувеличивать закономерность составления «Введения», положения которого на столетие опередили действительный политический прогресс России. Инициатором составления конституционного проекта был Александр I. Как представляется, Сперанский в «Пермском письме», представляя себя простым исполнителем предначертаний монарха, достаточно верно изложил обстоятельства составления «Плана». Сперанский мог советовать монарху, действовать внушением и воодушевлять его, но основные политические идеи он должен был получить именно от Александра Павловича. Составление «Введения» в некоторой степени было связано с Тильзитским миром и Эрфуртским свиданием. Мир позволил Александру I вернуться, критически переосмыслив их, к либеральным реформам первых лет своего правления. Эрфуртское свидание, скрытая ревность к славе Наполеона не полководца, но законодателя, усилили вообще свойственное Александру Павловичу самолюбие. Во «Введении» он стремился не копировать институты наполеоновский Франции, но превзойти их.

Примечания

1. В политическом отношении они обычно придерживались консервативных взглядов, но позже к критикам примкнули и некоторые сторонники лево-демократических ценностей, которые, напротив, были недовольны недостаточной радикальностью «Плана».
2. Корф, М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1 [Текст] / М. А. Корф. – СПб., 1861. – С. 93, 107.
3. Богданович, М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 3 [Текст] / М. И. Богданович. – СПб., 1869. – С. 33.
4. См.: Романович-Славатинский, А. В. Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского [Текст] / А. В. Романович-Славатинский. – Киев, 1873. – С. 14; Шильдер, Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 2 [Текст] / Н. К. Шильдер. – СПб., 1897. – С. 250–252.
5. Ключевский, В. О. Русская история: полный курс лекций: в 3 книгах. Кн. 3 [Текст] / В. О. Ключевский. – М., 1993. – С. 380–381.
6. Платонов, С. Ф. Лекции по русской истории [Текст] / С. Ф. Платонов. – М., 1993. – С. 648–649.
7. Бородкин, М. М. История Финляндии. Время императора Александра I [Текст] / М. М. Бородкин. – СПб., 1909. – С. 3–4.

8. Карцов, Ю., Военский, К. Причины войны 1812 года [Текст] / Ю. Карцов, К. Военский. – СПб., 1911. – С. 31–32.
9. См.: Уманец, Ф. М. Александр и Сперанский [Текст]: историческая монография / Ф. М. Уманец. – СПб., 1910. – С. 66–67.
10. См.: Шильдер, Н. К. Указ. соч. – С. 3, 250–252.
11. Щеглов, В. Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. Т. 1 [Текст] / В. Г. Щеглов. – Ярославль, 1892. – С. 826.
13. См.: Дубровин, Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века [Текст] / Н. Ф. Дубровин // Русская старина. 1901. – № 10–12. – С. 5–6.
14. Берендтс, Э. Н. Проекты реформы Сената в царствования императоров Александра I и Николая I [Текст] / Э. Н. Берендтс // История Правительствующего сената за 200 лет. 1711–1911. Т. 3. – СПб., 1911. – С. 9, 14, 70.
15. См.: Нольде, А. Э. М. М. Сперанский: биография [Текст] / А. Э. Нольде. – М., 2004. – С. 41.
16. См.: Пыпин, А. Н. Общественное движение при Александре I [Текст] / А. Н. Пыпин. – СПб., 1871. – С. 53–58, 133, 135.
17. См.: Семевский, В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя в XVIII и первой четверти XIX века [Текст] / В. И. Семевский // Былое. – 1906. – № 1. – С. 1–3; Он же. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века [Текст] // Историческое обозрение. Т. 9. СПб., 1897. – С. 246–251.
18. Корнилов, А. А. Указ. соч. – С. 66.
19. Семевский, В. И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I. – С. 153.
20. Кизеветтер, А. А. История России в XIX в. [Текст]: литографированные лекции. Ч. 1 / А. А. Кизеветтер. – М., 1910. – С. 44, 56.
21. Корнилов, А. А. Указ. соч. – С. 83.
22. Довнар-Запольский, М. В. Обзор новейшей русской истории. Т. 1 [Текст] / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1914. – С. 49.
23. Мельгунов, С. П. Император Александр I [Текст] / С. П. Мельгунов // Отечественная война и русское общество. Т. 2. – М., 1911. – С. 134, 137, 139.
24. См.: Покровский, М. Н. Александр I [Текст] / М. Н. Покровский // История России в XIX в. Т. 1. – СПб., 1909. – С. 48.
25. Покровский, М. Н. Русская история с древнейших времен [Текст] / М. Н. Покровский // Там же. Кн. 2. – М., 1965. – С. 200, 207.